

Б.Н. Миронов

**Н.С. РОЗОВ, Ю.Б. ВЕРТГЕЙМ, Г.С. СИЗЕНЦЕВ, С.И. ФИЛИПШОВ,
В.В. ГОРОШКО. РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ МЕТОДА
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ / Н.С. Розов (ред.). Новосибирск: Наука,
2001. (Теоретическая история и макросоциология. Вып. 1). – 503 с.**

В настоящий момент, когда постмодернистская методология вошла в моду и заметно потеснила все другие подходы, выход в свет книг, в которой отстаиваются объективизм и закономерность, целью исследования провозглашается поиск причинно-следственных зависимостей и построение качественно-количественных моделей изучаемых процессов, является знаковым событием. Сциентистко-позитивистская традиция не умерла, она живет и развивается. И это радует — любая монополия на методологию губительна для науки.

Коллективная монография, написанная группой исследователей из Новосибирского университета, состоит из Введения, трех частей и библиографии (она включает 231 название, из которых 99 — работы зарубежных авторов). Во Введении, написанном Н.С. Розовым, обосновывается необходимость выделения теоретической истории в самостоятельную науку. По мнению Розова, «теоретическая история есть научная дисциплина, изучающая закономерности, результаты и направленность крупных качественно-количественных изменений в истории (зарождение, рост и развитие, упадок, распад, трансформация человеческих сообществ)». Она заимствует из других наук гипотезы, модели и теории и проверяет их на данных традиционной эмпирической истории. Проблематика теоретической истории — «выявление закономерностей, результатов и направленности этих макроисторических изменений» (с. 5–6).

На наш взгляд, вопрос о том, относить ли предмет исследования, который Розов резервирует за теоретической историей, к социологии, истории или к особой научной дисциплине «теоретическая история», является чисто конвенциональным. Более существенно, что проблемы, обозначенные автором, действительно существуют и нуждаются в исследовании, а за какой научной дисциплиной они будут числиться, не суть важно. Рецензент склонен называть их проблемами макроистории и относить к проблематике исторической социологии, которой занимаются как историки, так и социологи.

В первой, наиболее обширной: части — 44% всего текста, «Познавательные средства теоретической истории и макросоциологии», написанной Н.С. Розовым, содержится обзор методологии и методики, применяемых в современных макросоциологических и историко-социологических исследованиях, главным образом за рубежом. Розов подчеркивает важность теории и парадигм в социальных науках и в истории, в частности: «Теоретическая история оказывается вовсе не "паразитической пристройкой", а напротив, самым мозгом эмпирической истории, во все века управлявшим этим гигантским телом собирания, критики и взаимоувязки фактов прошлого. Историки, до сих пор желающие ради собственного спокойствия очистить свою науку от "чуждых" ей теоретических построений и обобщений, должны задуматься о том, что происходит с любым огромным, даже весьма здоровым и благополучным телом, если его освободить от мозга» (с. 7).

Для процедур объяснения и подтверждения Розов принимает дедуктивно-номологическую концепцию известного немецко-американского философа науки Карла Гемпеля (1905–1991), согласно которой (1) некоторое явление считается объясненным, если описывающее его предложение логически выводится из законов и начальных условий; (2) гипотеза может получить только частичное подтверждение, так как эмпирическое свидетельство может подтвердить гипотезу лишь для конечной области объектов, зафиксированных данным свидетельством (если из этого свидетельства дедуктивно-логически следует, что данная гипотеза выполняется) [1].

Много места в первой части уделено также адаптации методологии научно-исследовательских программ известного английского историка науки (венгерского происхождения) Имре Лакатоса (1922–1974) [2] к задачам теоретической истории. По существу Розов принимает методологию Лакатоса в качестве методологии теоретической истории, обосновывая это тем, что лучшие исследования по теоретической истории выполнены на базе этой методологии. Кратко напомним сущность концепции Лакатоса. В ходе развития науки (науки в широком смысле) происходит смена связанных друг с другом теорий. Сменяющие друг друга теории тесно связаны друг с другом и образуют имманентно развивающуюся последовательность или непрерывность теорий, что позволяет называть весь этот ряд теорий исследовательской программой. Таким образом, любое исследование является реализацией некой исследовательской программы; вследствие этого история науки понимается не как история теорий, а как история исследовательских программ. Что такое исследовательская программа, как она образуется и из каких элементов состоит? Каждая исследовательская программа суть научно развитая парадигма (концептуальный каркас, объединяющий философские и научные взгляды на протяжении как минимум двух поколений исследователей). Программа должна включать ряд теорий (а не только концепций, моделей, представлений и т.п.) в строго научном смысле. Программа складывается из двух групп методологических правил: одни указывают, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика); другие — какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика). Положительная и отрицательная эвристики вместе дают примерное определение «концептуального каркаса» и, значит, языка. Поэтому, если история науки понимается как история исследовательских программ, а не теорий, то приобретает определенный смысл утверждение, что история науки есть история концептуальных каркасов или языков науки. Другие структурные элементы исследовательских программ — «жесткое ядро» (в него включаются условно непроверяемые, или аксиоматические, фундаментальные допущения программы) и «защитный пояс», состоящий из вспомогательных гипотез (он обеспечивает сохранность «жесткого ядра» от опровержений и может быть модифицирован, частично или полностью заменен при столкновении с контрпримерами). В развитии программы можно выделить две основные стадии — прогрессивную и вырожденную. На прогрессивной стадии «положительная эвристика» активно стимулирует выдвижение гипотез, расширяющих эмпирическое и теоретическое содержание. Однако в дальнейшем

развитие исследовательской программы резко замедляется, ее «положительная эвристика» теряет эвристическую мощь, в результате чего возрастает число гипотез, относящихся лишь к данному случаю.

Розов отдает отчет, что дедуктивно-гномологическая концепция Гемпеля применима только к гипотезам, содержащим предикаты наблюдения, т. е. имеет ограниченное применение, и что в ее рамках возникают серьезные теоретико-познавательные трудности, называемые парадоксами подтверждения. Автор также сознает, что методология Лакатоса имеет ограничения для применения и не может претендовать на универсальность. Автор упоминает и о специфике исторической науки как науки гуманитарной, и об отличии законов и объяснений в истории сравнительно с естествознанием. Однако эти обстоятельства не кажутся ему препятствием для использования концепции Гемпеля и методологии Лакатоса в теоретической истории. Лучше синица в руке, чем ничего, полагает автор. И в этом есть резон.

После обсуждения принципиальных вопросов методологии автор обращается к методическим вопросам и последовательно разбирает процедуру экспликации и формализации при разработке теорий, применение сравнительно-исторического метода во всех его разновидностях (метод единственного различия, метод сопутствующих изменений и др.), использование графов в социальной и исторической теории (в частности тренд-структур, тренд-графов Стинчкомба, булевой алгебры, процедуры математической экспликации и логической интеграции). На конкретных примерах Розов демонстрирует, что концептуализация социально-исторической реальности, раскрытие логической структуры исторического факта, экспликация и формализация переменных, структур и моделей, понятийного аппарата и теорий любых предметных областей углубляет анализ, поднимает исследование на теоретический уровень, позволяет судить о наличии причинно-следственных отношений, выявлять интереснейшие закономерности, оперировать аксиоматическими теориями. Автор полагает, что применение строгих процедур дополняет, а не исключает интуицию и озарения. Примеры автор берет из классических работ по макросоциологии 1960 — начала 1980-х гг.: прогноз Коллинза, сделанный в 1980 г., о распаде СССР в течение 30–50 лет (с. 21), анализ альтернативных путей к современному миру (с. 81), исследования о причинах европейского чуда (с. 102–103), о происхождении революций (с. 133–137), о сталинских «чистках» (с. 161–164), о причинах империализма (с. 174–175), объяснение продленной лактации (с. 120–123) и др. Данный материал безусловно представит большой интерес для российских исследователей, т. к. подобные обобщения не проводились даже за рубежом, не говоря уж о России, где об этом «золотом веке макросоциологии» зачастую не знают даже понаслышке.

Во второй части (31% всего текста), также написанной Розовым, предлагается идеальная программа для исследований в области теоретической истории — автор называет ее методом теоретической истории. Программа включает девять этапов, и автор шаг за шагом раскрывает эти этапы: проблематизация, предметизация, исходная теоретизация, логико-эвристический анализ, содержательный анализ, преодоление первичных аномалий, численный анализ, преодоление вторичных аномалий, завершающая теоретизация и прагматизация. В заключении второй части Розов рассматривает возможность глобальных научных коммуникаций в области теоретической истории через интернет: первичная ориентировка в проблематике, поиск необходимой литературы, организация дискуссии. К недостаткам второй части я бы, пожалуй, отнес абстрактность описания метода вследствие отсутствия эмпирического материала — объяснение метода без исторических примеров трудно для восприятия. Однако дотошность, «заорганизованность», гиперсистематичность изложения, в основе которого лежит представление о методе как сети процедур, связанных входами и выходами, избыточная детализированность, проговаривание «общих мест» представит интерес для начинающего исследователя. Последнее замечание в равной степени относится и к первой части.

В третьей части (20% текста) в четырех исследованиях на конкретных материалах применяется идеальная программа, разработанная Розовым во второй части, и используется методика, описанная в первой части. Ю.Б. Вертгейм дает теоретико-исторический анализ интеграции и распада обществ на примере Австро-Венгрии и Османской империи; Г.С. Сизенцев — теоретико-исторический анализ закономерностей геополитической динамики (причины возникновения войны после длительного мира). С.И. Филиппов исследует геополитические аспекты становления цивилизаций (на материале истории России XIV–XVI вв.); В.В. Горощко — последствия геоэкономической экспансии: внешняя торговля и государственный суверенитет (на материале истории Индии, Китая, Японии и Османской империи). Все четыре автора реализуют только 4 из 8 этапов идеальной программы, а сами очерки отдаленно напоминают пилотажные исследования. Реализация программы теоретического исторического исследования, на мой взгляд, пока ниже самой программы. Мне кажется, что причина этого кроется главным образом в том, что программа не может претендовать на универсальность: как продуктивное средство теоретико-исторического исследования она применима лишь к некоторым, хорошо изученным объектам и к периодам, хорошо обеспеченным массовыми источниками. Например, мы слишком мало знаем о Московской Руси XIV–XV вв. или по истории Руси, Литвы, Польши и Золотой Орды за XIII–XVI вв., чтобы адекватно и плодотворно применить исследовательскую программу. Кроме того, корректная реализация программы предъявляет столь высокие требования к исходным данным, к концептуализации социально-исторической реальности, характеризующейся, как известно, взаимопереплетением множества сложных аспектов, что может быть применена лишь в исключительных случаях. Наконец, использование программы предъявляет непомерно высокие требования и к самому исследователю. Он должен хорошо владеть материалами по истории нескольких стран: Вертгейм должен владеть, как минимум, материалом по истории Австро-Венгрии и Османской империи за XVI — начало XX в., Сизенцев — по истории Европы за XIX — начало XX в. и Дальнего Востока за вторую половину XVIII — первую половину XIX в., Филиппов — по истории Руси, Литвы, Польши и Золотой Орды за XIII–XVI вв., Горощко — экономической и политической историей Индии, Китая, Японии и Османской империи за XVI — первую половину XX в.

Подведем итоги сказанному.

Книга представляет большой интерес для всех интересующихся философскими и теоретическими вопросами истории, для тех, кто профессионально занимается методологией социальных и исторических наук. Она демонстрирует, что концептуализация социально-исторической реальности, экспликация и формализация переменных, структур и моделей, понятийного аппарата и теорий способны углубить анализ и поднять исследование на более высокий уровень, что использование понятийных и логических средств описания и сопоставления исторических фактов позволяют поставить единичное историческое явление в контекст с другими аналогичными явлениями в других странах и анализировать их сравнительно-исторически. В этом смысле Розов выполнил свою цель, как он сформулировал ее в книге: (1) разработать метод теоретической истории и «дать молодым исследователям лоцию и компас, сверяясь с которыми, они могли бы вступить в неизведанные пространства теоретико-исторических исследований»; (2) обобщить то методически новое, что несут в себе наиболее яркие и успешные исследования «золотого века макросоциологии», прежде всего работы Р. Карнейро, Р. Коллинза, А. Стинчкомба, Т. Скочпол и Ч. Тилли; (3) предложить «некоторые интеллектуальные новации, появляющиеся в качестве результатов решения постоянно возникающих проблем взаимоотношения изначально разнородных концепций, моделей, логических схем, формализмов, графических средств, нарративов и прочего материала теоретико-исторического исследования» (с. 237).

Практическое использование идеальной программы теоретического исследования, продемонстрированное в четырех очерках, показывает, что реализовать потенциал, заложен-

ные в программе, чрезвычайно трудно главным образом из-за слабой разработки исходных посылок и недостатка данных. Может даже показаться, что использовать идеальную исследовательскую программу для изучения сюжетов и периодов, плохо обеспеченных источниками, — все равно что стрелять из пушки по воробьям. Однако и в этом случае исследователь будет вознагражден — наступает просветление: экспликация и формализация проблемы и познавательных средств, выбранных для ее решения, показывают, насколько состоятельна сама постановка проблемы, насколько продуманны исходные посылки, концепции, гипотезы, ключевые понятия, насколько полны данные, в чем узкие места, просчеты, пробелы, тупики. Проблема проходит тест на разрешимость, исследователь — на готовность ее решить. Становится ясно, что дальше делать — усиливать историковедческую базу, искать другие методы анализа, модифицировать проблему или вообще отказаться от ее решения до лучших времен.

Очень бы хотелось, чтобы следующая книга по теоретической истории нашла себе читателя не только среди методологов, но и среди практикующих историков. Для этого, на наш взгляд, желательно, чтобы учитывалась в достаточной мере специфика истории как науки гуманитарной, чтобы манера подачи материала была менее супернаучной, сухой и абстрактной, чтобы оглавление было полным, чтобы язык был более простым и ясным, чтобы заключение содержало выводы и обобщения, чтобы в книге имелись глоссарий и предметный указатель.

Литература

1. Гемпель К. Функция общих законов в истории // *Время мира*. Вып. 1. Новосибирск, 1998.
2. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.